

СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ: КОНСЕРВАТИЗМ VS НОВАТОРСТВО?

Вабищевич В. С.

(Витебск, Витебская духовная семинария)

Этимологически слово «консерватизм» происходит от латинского слова «conservare», что на русский язык приблизительно можно перевести как «охранять», «сохранять». Предварительно отметим, что сохранять человек может очень различные объекты, как материальные, так и нематериальные. Мы же в дальнейшем в своем исследовании будем вести речь о сохранении в первую очередь в духовной сфере человеческой жизни, а также и в тех сферах, которые сами по себе духовными не являются, но в значительной степени детерминированы ей.

Очевидно, что уже из исходной этимологии следует три радикально различных понимания данного термина. Во-первых, консерватизмом иногда называют защиту всего того, с чем сталкивается люди в процессе своей жизнедеятельности. Логично будет назвать его абсолютным. В реальной жизни он может быть только лишь исходной мировоззренческой установкой, направляющей человеческую жизнь в определенное русло. На практике, данная установка в полном объеме никогда не реализовывалась, да и не могла реализоваться. Сказанное очевидно по отношению материальных объектов, включенных в человеческое бытие. Однако оно справедливо даже для духовной сферы, но в рамках последней идея абсолютного сохранения может быть реализована в наибольшей степени.

Во-вторых, относительный или диалектический консерватизм. При его практической реализации все силы будут направлены на сохранение некоторого концептуального ядра, вокруг которого структурируется человеческая духовная жизнь. Такое ядро не должно видоизменяться ни при каких трансформациях периферийной части этой жизни, и тем более не должно быть зависимым от внешних условий человеческого бытия. В противном же случае может произойти переход духовного в некое иное качественное состояние, которое уже не будет являться подлинно духовным.

Если первые два вида консерватизма во многом носят естественный характер и связаны с человеческой субъективностью, с индивидуальными

особенностями его мышления, то третий с ними не связан. Это как бы «сверхъестественный» консерватизм, который связан с самой онтологической сущностью людей. Все дело в том, что как в индивидуальном, так и в чисто социальном плане полностью уничтожить духовное в людях очень сложно, а может быть и практически невозможно, потому что любой человек с самого момента своего рождения представляет собой облик и подобие Божие. Духовное же в нем – это проявление Святого Духа, всепобеждающей любви Творца ко своим детям. Вот почему, несмотря на все свои собственные «старания» и на «помощь» со стороны различных социальных структур и институтов (например, средств массовой информации), полностью отказаться от духовности, как «устарелому», «отжившему, «враждебному» реальной жизни феномену человеку не удастся. Именно наличие механизма сверхъестественного консерватизма, в качестве Божественной любви ко всем без исключения людям, препятствует этому.

Следует отметить, что в православном богословии ученые придерживаются линии относительного консерватизма. По крайней мере, такой позиции на практике следует абсолютное большинство из его представителей. Методологической основой этой линии является подчинение низшего высшему. Античная философия выделяла в человеке всего лишь две составляющие части: тело и душу. В христианстве же считается, что человек – трехсоставен: он состоит из тела, души и духа. Причем, в богословии всегда указывается на то, что духовная составляющая человека неизмеримо выше душевной. «Сама по себе душевная жизнь является вполне законной стороной земного бытия человека, – подчеркивал архимандрит Рафаил (Карелин). – Даже больше того: без нее человек не мог бы существовать. Но здесь необходимо соблюдение строгой иерархии: если тело – служанка души, то душа должна быть служанкой духа. Если эта субординация нарушена, то дух замыкается в себе, он как бы добровольно отрекается от принадлежащего ему по праву и уступает свое место захватившему его» [2, с. 260].

Конечно, в некоторых людях не только дух может быть поработан душой, но и сама душа может стать служанкой плоти. В последнем случае человек уподобляется живому организму, поведением которого руководят простейшие инстинкты. Однако если духом руководит душа, то положение дел будет не намного лучше. Правда, в этом случае человек не станет рабом своего тела, но превратится в раба, например, своей гордыни или иных греховных страстей, так как он будет считать себя центром мироздания, самодостаточной сущностью и не станет признавать ничего высшего, стоящего над ним. В отличие же от плотского и душевного человека, духовный признает свою несамодостаточность, и хорошо понимает, что в мире существует много

такого, что неизмеримо выше его самого. Конечно, в первую очередь – это Бог, Творец всего сущего, но выше человека также и совесть, и нравственные законы, и родина. Осознав это, служению высшему, а не самому себе готов посвятить земную жизнь духовной человек.

Иерархия, аналогичная описанной нами выше, должна сохраняться и в богословии. Очевидно, что при отказе от некоторых достаточно традиционных богословских взглядов в пользу новаторских идей, необходимо предварительно прояснить вопрос о том, являются ли эти идеи плодом развития Духа в человеке. Или они представляют собой лишь результат его достаточно субъективного душевного опыта. Естественно, что во втором случае духовная традиция не должна быть принесена в жертву душевного «новаторства». Конечно, сказанное в первую очередь относится к догматическому богословию. По отношению же к нравственному и основному богословию более актуальным является вопрос о замене одной субъективной традиции другой.

Данная необходимость может быть вызвана к жизни совершенно различными причинами. Укажем на одну из них. Бог вечен и неизменен. Человек же изменяется сам и непрестанно изменяет внешние условия своего существования. Кроме того, идет непрерывное развитие науки, появляются различные философские теории. Весь этот естественно-исторический процесс ставит определенные вопросы перед представителями основного и нравственного богословия, на которые они вынуждены искать адекватные ответы. Так, например, в настоящее время возникли совершенно ранее неизвестные проблемы, связанные развитием новых информационных технологий. Для разрешения этой или иных проблем современного человека, возможен частичный отказ от отдельных богословских традиций (но не отказ от великой Традиции в целом). Ведь известно, что иногда необходимо отказаться от малого, для того чтобы сохранить большое.

Говоря о соотношении традиций и новаторства в богословии, необходимо для анализа этого соотношения, использовать такую категорию как «цель». Применительно к ее пониманию можно выделить два основных семантических подхода. Согласно первому, цель – это нечто являющаяся чисто субъективным феноменом, плодом человеческого мышления. Согласно же второму подходу, цель – это то, что лежит вне самого человека и не принадлежит ему. Скорее человек принадлежит цели, которая существует объективно, как нечто изначально заданное Богом (или природой). По мнению финского философа и логика Г. Х. фон Вригта, такое телеологическое понимание приводит нас к убеждению «в необходимости действия во имя целей, которые, как мы полагаем, установлены не случайной волей отдельных людей, а самой природой вещей или волей Бога» [1, с. 194].

Очевидно, что согласно православным представлениям применительно к сущностным вопросам, определяющим самое главное в земном человеческом

бытие, верна вторая, телеологическая точка зрения. Обратим внимание на то, что при субъективном (или казуальном) понимании цели богословия по существу нельзя будет говорить о наличии критерия допустимости в нем отказа от некоторых традиций в пользу новаторских идей. Дело в том, что если данная цель представляет собой лишь продукт субъективного человеческого мышления, то она будет подвержена непрерывным изменениям не только в чисто историческом, но и в индивидуальном аспекте. В результате такого процесса может постепенно размываться, становится подвижной сама великая Традиция, на которую опирается богословие, и, Которая выражена в Святом Писании. Именно это и происходит в настоящее время на Западе в различных так называемых «христианских церквях». Кстати, одним из практических следствий данного феномена является то, что различного рода псевдохристианские секты стали множиться и делиться с большой скоростью. Если же цель по своей природе телеологична, то есть задана Самим Богом, то она будет оставаться неизменной, как неизменен и Сам Бог.

В заключение исследования отметим, что подлинный консерватизм в богословии ни в коей степени не противостоит новаторству, а, напротив, способствует такому новаторству. Консерватизм – это ограничение человеческого мышления, препятствующее процессу гносеологического «распыления». Мышление только тогда плодотворно, когда оно ограничено. Безгранична же лишь человеческая глупость, во многом как раз и являющаяся результатом человеческого стремления «все знать» и «о всем судить». Правда, в данном случае речь идет не о каждом нововведении, а только лишь о том, которое не противоречит Традиции. Кроме того, такое новаторство не должно исходить из чуждых православной Церкви учений. «Пока Церковь жива, – отмечал диакон Андрей Кураев, – ее мысль развивается. Важно лишь, чтобы она развивалась именно из своих, из церковных, а не из иных начал» [3, с. 131].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вригт, Г. Х. фон. Логико-философские исследования / Г. Х. фон Вригт. – М.: прогресс, 1986. – 600 с.
2. Карелин, Р., архим. Умение умирать или искусство жить / архимандрит Рафаил (Карелин). – М. : Изд-во Московского подворья Троице-Сергиевой лавры, 2004. – 445 с.
3. Кураев, А., диакон. Традиция, догмат, обряд. Апологетический очерк. – М.: Изд-во Братства Святителя Тихона, 1995. – 416 с.